

0 721780 - 1

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Диссертационный совет по философским наукам (Д 212 301.04)

На правах рукописи

Соколов Роман Евстратьевич

Духовное и социокультурное бытие литературно-художественного текста

Специальность – 09.00.11. Социальная философия.

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Чебоксары - 2001

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Научный руководитель - доктор философских наук,
профессор Акопян К.З.

Научный консультант - доктор философских наук,
профессор Фензов Э.З.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
доцент Белова З.С.

доктор филологических наук,
профессор Артемьев Ю.М.

Ведущая организация - Чувашский государственный
педагогический университет
им. И.Я. Яковлева.

Защита состоится "22" июня 2001 г. в 14⁰⁰ часов на заседании
специализированного совета 2. 21.2.301.04
по защите диссертации на соискание учёной степени кандидата и
доктора философских наук в Чувашском государственном
университете им. И.Н. Ульянова по адресу: 428005, г.Чебоксары,
ул. Университетская, д.38 а, аудитория Зала у. об., корп. III

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары, ул. Университетская, 38 а).

Автореферат разослан "19" мая 2001 года.

Учёный секретарь специализированного совета -- канд. филос.
наук,
доцент *Зну* Ю.П. Кульков.

Актуальность проблемы. Литературное произведение принадлежит к числу тех духовных образований, которые играют ключевые роли в жизни культуры. Будучи одним из самых сложных и многоаспектных явлений, когда-либо созданных человеком, оно во все исторические эпохи привлекало к себе внимание мыслителей и интеллектуалов. Однако можно сказать, что в наше время вопрос о его природе и условиях бытия как особого рода духовного феномена обрёл особенную актуальность. Это во многом обусловлено тем, что благодаря художественной практике модернизма и постмодернизма произошло существенное изменение привычных представлений о художественном произведении вообще и литературном произведении, в частности, а также о тех критериях, с помощью которых принято определять степень их художественно-эстетической ценности.

Сразу же после своего появления на свет литературный текст входит во взаимодействие с окружающей социокультурной средой, поскольку выступает в качестве объекта рецепции представителей этой среды. Текст начинает осваиваться воспринимающим его социумом, выполнять в нём различные функции, подвергаясь при этом различным воздействиям со стороны последнего. Он анализируется, оценивается, с ним ведётся полемика, он может выступать в качестве провокатора и «пощёчины общественному вкусу», может опровергать и отрицать установившиеся культурные представления (идеологию) или, наоборот, выступать в качестве её апологета. Одним словом, литературный текст может быть использован для тех или иных социокультурных целей, при этом, выполняя эти свои функции, он в то же время выступает как неотъемлемая часть духовной жизни отдельного индивида. Всё это даёт нам право рассматривать литературный текст как специфическую вещь культуры, играющую огромную роль в жизни последней. Необходимость изучения литературного текста как вещи культуры продиктована, таким образом, тем, что, существуя в качестве специфического духовного феномена, он обретает множество разнообразных социокультурных аспектов, которые требуют не только их аналитического учёта, но и синтетического представления, поскольку характеризуют один и тот же объект – текст как целостный социокультурный феномен.

Предмет и объект изучения. Данная работа будет посвящена изучению литературного произведения, понимаемого как

специфический социокультурный феномен (вещь) и, следовательно, как объект исследования социальной философии. При этом нужно учитывать, что предмет и объект изучения будут означать для нас не одно и то же. Под объектом своего исследования автор будет понимать жизнь литературного произведения в социокультурной среде и всю совокупность связанных с этой жизнью факторов. Ясно, что исчерпывающий анализ последней невозможен в рамках отдельной работы. Поэтому автор сосредоточится лишь на некоторых, наиболее важных для экспликации его концепции аспектах жизни текста в качестве специфического целостного духовного образования. Эти аспекты и станут *предметом* нашего изучения.

Рассмотрение литературного текста как объекта социальной философии предполагает выделение некоей оппозиции, элементами которой выступают сам текст и противостоящая ему в рамках этой оппозиции культура, которая одновременно может пониматься как рецепирующий текст субъект и как та среда, в которой проходит его жизнь. Однако литературный текст не только противостоит культуре как противоположному члену оппозиции, но и находится с ней в некоем единстве, ибо при отсутствии определённой духовной связи между текстом и культурой существование первого как полноценного феномена станет невозможным.

Согласно принятой в данной работе концепции, к вещам культуры, одной из разновидностей которых является литературный текст, принадлежит всё то, что когда-либо было создано человеком с помощью имеющейся у него творческой способности. Все эти образования имеют то общее, что обладают определённой значимостью в рамках конкретной культурной среды, поэтому они и выступают в качестве присущих ей и характеризующих её феноменов. Этим же определяется и тот интерес, который они могут представлять для изучающих культуру дисциплин.

Методологические замечания к работе. Говоря о применяемом им методе, автор сразу же дистанцируется от выходящих в настоящее время в большом количестве работ, посвящённых "анатомическому" изучению литературного текста. В данной работе не заостряется внимание на тех элементах, из которых составлен

основном как целостное образование (вещь), т.е. так, как он и фигурирует в пространстве культуры. При этом, однако, следует иметь в виду, что в процессе жизни литературное произведение проявляет различные аспекты своего бытия, последние эксплицированы нами в качестве модусов текста. Нужно отметить, что при подобном подходе к литературному произведению (точнее, целостному его социокультурному бытию) важная роль принадлежит интенциям самого исследователя.

Исходя из этого, автор выбрал в качестве основных для данной работы феноменологический и компаративно-исторический методы. Первый релевантен, поскольку основным объектом изучения для нас станет текст как духовный феномен. При обращении к феноменологическому методу автор ориентировался главным образом на «классическое», гуссерлианское понимание феноменов (которое содержится, например, в «Картезианских размышлениях» Гуссерля). Однако в значительной степени им учитываются взгляды М.Хайдеггера, изложенные в его важнейших работах (например, в «Бытии и времени»), а также их интерпретация в «Лекциях о Прусте» М.Мамардашвили (близкого к изначальной, гуссерлианской феноменологии, но в то же время учитывающего опыт других философов). Безусловно, существенным для формирования авторской концепции было и обращение к современной герменевтической философии (работам Гадамера, Рикёра и др.) Весьма важными для формирования нашей концепции были работы по эстетике Р.Ингардена, в особенности те, где он производит феноменологический анализ литературного произведения, а также некоторые философские работы А.Ф.Лосева, в которых речь идёт о смысле таких понятий, как «эйдос», «логос», «вещь» и др. Кроме того, автор использовал выдвинутую профессором философии К.З.Акопяном идею рассмотрения вещи (текста) с точки зрения четырёх характерных для неё модусов (см. ниже).

Феноменологический метод предполагает использование определённого рода феноменологической установки, а именно – “заключения в скобки” всего мира явлений, которые становятся для нас феноменами. При этом сначала весь “объективный мир” обретает статус феномена, а затем сами феномены начинают составлять единственно

возможную реальность. Тем самым феномены обретают статус вещей.

В отношении литературного произведения эта “феноменологическая онтологичность” означает, что текст есть нечто идеальное, но в то же время автономное и способное быть объясняемым и интерпретируемым. Он нуждается в своей интерпретации, ждёт её, но сам не может быть сведён к ней, существуя как бы в ином срезе бытия, нежели эта интерпретация. Поэтому, будучи дан нам непосредственно, он одновременно есть нечто трансцендентное и таинственное.

На различиях, возникающих при конституировании произведения в различных социокультурных средах, позволит сфокусировать внимание компаративный метод. С помощью него автор будет сопоставлять и классифицировать факты, связанные с жизнью в культуре тех или иных литературных произведений, а также выявлять и описывать основные особенности и закономерности этой жизни. Тем же целям должно служить обращение автора к таким традиционным для всякого научного исследователя методам, как классификация, аналогия, описание и объяснение, индукция и дедукция.

Важно отметить, что текст как культурный феномен рассматривается автором не как нечто статичное и неизменное, а как то, что пребывает в постоянной динамике. Условия и причины этой динамики исследуются в основных частях работы.

Новизна исследования состоит: 1) в рассмотрении литературного произведения как специфической вещи, в значительной степени обеспечивающей полноценное функционирование социокультурной среды, 2) в выделении эстетического аспекта этой вещи как наиболее важного для её конституирования и дальнейшей жизни в культуре, 3) в понимании этой вещи не только как “наглядно представимого” предмета, но и как многоаспектного, но всё же целостного духовного образования, выступающего и в качестве непосредственно переживаемой ценности, и в качестве тех или иных принимаемых текстом культурных значений 4) в истолковании литературного текста в качестве специфического организма, целостного и автономного духовного образования, в полном смысле слова

живущего в культуре.

Степень разработанности проблемы. Для экспликации избранной нами проблемы крайне важно, что вопрос о тексте как особого рода вещи обнаруживается не только в современных гуманитарных исследованиях, но и в философских концепциях прошлого, где он решается в рамках проблемы истолкования тех или иных текстов. Это истолкование как в своей основе нуждалось в выяснении того, что представляет собой сам текст как предмет, связанный с определённой духовной деятельностью. Нужно отметить, что современное понимание текста как социокультурного феномена было бы невозможно без таких рефлексий, которые велись над этим предметом в прошлом, когда были осуществлены первые и во многом решающие и определяющие для нас попытки философского объяснения его сущности.

В период ранней античности письменный текст в рамках философского его осмысления ещё не наделялся столь большим значением, как в последующие эпохи. Ему отводилась, скорее, второстепенная, по сравнению с устной речью, роль, ибо устная форма, по мнению, например, Сократа, в силу возможности её варьирования и приспособления к тому или иному конкретному индивиду в большей мере способствует верному пониманию и усвоению передаваемого ей смысла, чем письменная. В философии стоиков это же представление о привилегированном положении устного текста над письменным выразилось в концепции пронизывающей весь мир духовной пневмы, присутствие которой делает мир “умопостигаемым” и “разумно различимым”, в отличие от гераклитовского потока. По своему смыслу “пневма” стоиков приближается к Мировой Душе, в которой мир фиксирует присущие ему смыслы. Видно, что текст здесь есть нечто, включённое в состав целостного мироздания, а не просто созданное людьми.

В эпоху поздней античности, благодаря усилиям александрийских мыслителей, текст становится объектом аллегорического истолкования, отличающегося от истолкования мистического. Эта новая тенденция обнаруживает себя в трудах известных интерпретаторов Библии Филона и Климента

Александрийских и Оригена. Новый вклад, вносимый аллегорическим истолкованием в понимание текста, состоит в том, что последний начинает рассматриваться как носитель двух значений: буквального и скрытого, эзотерического. Причём первое из них фиксируется и выражается с помощью языка обыденного, второе – с помощью категориального. Благодаря своему эзотерическому смыслу, текст осознаётся как посредник между человеком и умопостигаемой структурой мироздания. При этом меняется и отношение к письменной форме текста. Теперь она понимается уже как нечто самоценное, а не вторичное по отношению к устной его передаче.

Традиция аллегорического истолкования текстов, возникшая впервые у греков, развивалась также и в рамках иудейской теологии. Если для греческих истолкователей было характерно обращение к художественным произведениям (например, текстам Гомера), то у иудеев истолковываются библейские тексты. Можно сказать, что сам текст при этом берётся как некая духовная вещь, поскольку интерпретатор говорит о “теле” и “духе” текста. Под первым понимается буквальный смысл текста, под вторым – его Логос, то есть теолого-философский смысл бытия.

Важным этапом в генезисе подхода к тексту как определённой вещи является отдельные моменты некоторых концепций мыслителей Нового времени, развивавших в своих работах идею отождествления содержания текста и природы. Подобный подход можно встретить у таких мыслителей, как Спиноза, Галилей, Кампанелла, Бруно.

Существенный вклад в гносеологическое обоснование рассмотрения текста как своеобразно понятой вещи принадлежит Фердинанду де Соссюру. Это связано с тем, что в своей концепции швейцарский лингвист декларировал и обосновал мнение, согласно которому всякий предмет может быть, в принципе, рассмотрен как текст. Очевидно, что этот постулат в полной мере может быть применён и ко всем явлениям культуры. В наши дни такой взгляд сделался не только широко распространённым, но и не требующим доказательств.

Опираясь на теорию словесного образа Лотмана, представители формальной школы литературоведения

конституировали понимание литературного произведения как вещи, предназначенной для специфической культурной рецепции. Особенностью этой вещи является то, что в основе её конструкции лежит определённый приём, благодаря которому текст начинает представлять свою формальную (“вещную”), а не только чисто содержательную сторону.

В наши дни в результате внедрения во многие гуманитарные дисциплины методов лингвистики на свет появилось несколько интересных структуралистских и постструктуралистских концепций, затрагивающих в том числе и те связанные с текстом проблемы, которые имеют непосредственное отношение к теме данной диссертации. Среди авторов этих концепций можно назвать таких видных мыслителей, как Р.Барт, Ж.Бодрийяр, Ж.Делёз, Ю.Кристева, Ж.Лакан, Ю.М.Лотман, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский, М.Фуко и др. Важным положительным в контексте данного исследования последствием появления этих концепций является, на наш взгляд, то, что, благодаря им, гораздо чётче, чем раньше, высветилась проблема взаимодействия между художественным текстом и реципирующей его социокультурной средой, которая, впрочем, получает своё освещение также и в работах далёких от структурного направления исследователей (в нашей стране, например, С.С.Аверинцева, М.Бахтина, В.В.Кожина, А.В.Михайлова и др.).

Цели и задачи исследования. Исследование литературного текста как социокультурного феномена предполагает выделение двух важных для нас моментов. Первый состоит в том, что рассмотрению подлежит не только сам феномен, но и процесс его конституирования. Поскольку наиболее важным для нас аспектом литературного произведения будет эстетический аспект, то мы кратко остановимся на процессе конституирования текста как особого эстетического феномена. Второй момент заключается в том, что конкретный интенциональный предмет (феномен) всегда фундирован в индивидуальном сознании реципиента. Это обстоятельство заставляет нас вспомнить о такой важной особенности всякого гуманитарного познания, как обращение исследователя к собственному субъективному феноменологическому опыту как источнику определённого рода

переживаний и оценок изучаемых им предметов. При этом следует учитывать, что вызванная этим субъективность всякого гуманитарного исследования носит не вынужденный, а единственно возможный для него характер. Вместе с тем, поскольку рецепция художественного текста имеет в своей основе некоторые трансцендентальные основания, то текст будет выступать для нас как предмет интересубъективный, хотя и не равнозначный при различных индивидуально-культурных интенциях.

В качестве основных целей, поставленных автором в данной работе, следует назвать следующие: 1) обосновать понимание литературного произведения как специфического образования, “живого” организма, культурой порождённого и в культуре существующего, 2) показать способность литературного текста к социокультурной полифункциональности при ведущей роли эстетической функции, 3) показать двойственность природы текста, который выступает одновременно как обусловленный реципиентом, зависящий от него феномен и как целостное автономное образование (организм), входящий составной частью в ткань культуры.

Достижению этих целей должно способствовать решение следующих задач: 1) эксплицировать особенности самого текста как вещи культуры, позволяющие ему обретать актуальность в той или иной культурной среде, 2) выявить ту роль, которую выполняет в его жизни сама культура, а также 3) ту структуру, которой обладает литературный текст как феномен культуры, и её соотнесённость со структурой самой культуры.

Диссертация состоит из Введения, Первой и Второй главы и Заключения.

Во Введении даётся постановка проблемы, обосновывается её актуальность, определены объект и предмет исследования, сформулированы и установлены его цели и задачи, обозначена новизна и степень разработанности проблемы, а также содержатся методологические замечания к работе.

В первой главе – “Бытие текста. Философско-эстетический аспект” – производится анализ особенностей вещи в культуре вообще, а также частного её проявления – литературно-художественного текста.

Автор обращается здесь к следующим темам : §1. Вещь в контексте культуры, §2. Литературный текст как вещь в культуре, §3. Специфика литературно-художественного текста и его интерпретации. Освещение этих вопросов необходимо для того, чтобы установить, за счёт каких собственных возможностей литературный текст обретает свою актуальность для той или иной социокультурной среды и продлевает в ней свою жизнь.

Первый параграф содержит в себе теоретический анализ того, что представляет собой культура как “среда обитания” художественного текста, а также тех специфических особенностей, которые отличают текст как разновидность культурного феномена, или вещи культуры. При этом художественный текст как вещь культуры противопоставляется вещам цивилизации. Это противопоставление строится на том основании, что, в отличие от вещей цивилизации, обладающих чисто функциональной значимостью, художественное произведение ценно само по себе как уникальный предмет, вне зависимости от какой-либо формы его использования. Такой статус произведения искусства позволяет рассматривать его в качестве специфического продукта культуры, наделённого особой формой существования, связанной с осуществлением определённых духовных актов, без которых эти продукты не смогли бы возобновляться в качестве культурных феноменов. Жизнь произведения как духовного образования поэтому основывается на том, что в ходе этих актов осуществляется повторение того смысла, который изначально присущ ему. Иными словами, жизнь эта каждый раз нуждается в возобновлении, которое становится возможным благодаря определённого рода деятельности.

Однако, как показывает проведённый анализ, художественный текст как социокультурный феномен выступает не просто как пассивный объект деятельности, направленной на его духовное освоение. Напротив, он ведёт себя как своего рода агент, принимающий активное участие в социокультурном процессе. Активность текста проявляется благодаря имеющимся у него духовным возможностям, которые позволяют ему выполнять соответствующие культурные функции. К этим возможностям можно отнести аттрактивную

(способность текста привлекать к себе внимание реципиентов), компенсаторную и тесно связанные с ней трансцендирующую и оценочную, а также суггестивную и смыслообразующую способности. Все эти «возможности» становятся «способностями» (получают реализацию) благодаря реципирующему текст субъекту, который, конституируя в своём сознании текст как эстетический феномен и затем осмысливая его как особую духовную ценность, реализует заключённый в художественном произведении потенциал.

В своей совокупности все эти способности служат единой цели: организации определённого культурного пространства, поэтому выполнение соответствующих этим способностям социокультурных функций является конститутивным для литературного текста как особой вещи культуры. Однако, для того чтобы текст действительно смог начать выполнять отведённые ему в соответствии с этими способностями культурные роли, он должен начать своё существование в культуре в качестве некоего целостного образования (организма), а эту целостность он обретает за счёт ещё одной, самой важной своей способности – эстетической (под которой следует понимать его способность вызывать эстетическое переживание), выполняющей поэтому по отношению ко всем перечисленным выше способностям текста интегративную роль.

Во втором параграфе автор исследует то, как особенности художественного текста, которые были эксплицированы ранее, связаны с конститутивным для текста эстетическим смыслом. Опираясь на феноменологическую концепцию Р.Ингардена, автор демонстрирует определённую коррелятивность, существующую между различными фазами эстетического восприятия литературного произведения, и теми функциями, которые оно выполняет в культуре (т.е. его возможностями как предмета культуры).

Эстетической установке при восприятии текста сопутствует познавательная и ориентировочная установка, с помощью которых мы входим в мир текста, занимаем по отношению к описываемым в нём событиям определённую пространственную и временную точку зрения. При этом эстетическое переживание, которое испытывает реципиент в ходе конституирования в его сознании

произведения искусства, сопровождается определённым эмоциональным переживанием, которое способствует возникновению у реципиента особой убеждённости в существовании переживаемого им эстетического предмета как специфической сущности. Тем самым литературное произведение заявляет о себе не как о субъективном, а как о транссубъективном (хотя и идеальном) предмете.

Процесс конституирования этого транссубъективного предмета происходит лишь в том случае, если мы начинаем воспринимать текст неким внутренним, духовным взором или, иными словами, переходим от созерцания первого порядка к созерцанию второго порядка, которые составляют структуру восприятия не только литературного произведения, но и вообще всякого эстетического предмета. Поэтому восприятие литературного произведения, при котором в полной мере происходит раскрытие его эстетического качества, возникает далеко не всегда. Оно обусловлено рядом как объективных, так и субъективных факторов. Результатом поверхностного или глубокого чтения может стать конституирование двух разных эстетических предметов, лишь внешне сходных между собой.

Конечным результатом эстетической рецепции текста становится конституирование особого рода ценности. Поэтому само написанное автором произведение, ещё не прошедшее до конца соответствующей рецепции, можно рассматривать в качестве только предценности. Однако очевидно, что те эстетический смысл и ценность, которые произведение приобретает в результате эстетической рецепции, не были привнесены в него извне, а уже содержались в нём потенциально. Погружаясь в текст, реципиент лишь актуализирует эти значения. Открывающаяся ему при этом эстетическая сердцевина текста не имеет ни чисто абстрактную, ни чисто чувственную природу, но существует где-то на стыке двух этих реальностей. Литературное произведение конституируется в нашем сознании, но не является при этом чисто абстрактным объектом. Можно сказать, что мы чувственно переживаем абстрактный, понятийный смысл какого-то слова, который вдруг приобретает для нас эстетический оттенок – начинает восприниматься как некая

значимая часть той “смутной”, но целостной Идее, которую доносит до нас текст.

Эстетическое восприятие может осуществиться лишь в том случае, если реципируемый предмет передаст некий импульс реципирующему его субъекту, возбудив в нём при этом способность к некоему “сверхчувственному” созерцанию этого предмета, ибо само конституирование последнего не может совершиться при участии только чувственного созерцания. В процессе конституирования текста должны принимать участие и другие наши интеллектуальные способности. Более того, литературное произведение становится для нас тем интереснее, чем больше приложили мы усилий для его “разгадывания”, ибо сам этот процесс (а не только его результат) важен для нашего эстетического переживания текста. Однако текст не только провоцирует нас на совершение имажинативных актов, но и определённым образом эти акты направляет и ставит им соответствующие его “схематическому” содержанию пределы.

В третьем параграфе речь идёт об отношении между текстом как автономным и самостийным образованием и интерпретацией как формой его культурного существования. Одной из важных особенностей текста выступает его открытость для различных прочтений. Текст вступает в диалог с читателем и конституируется в качестве художественного произведения в процессе этого диалога. При этом нужно иметь в виду, что в ходе этого процесса происходит конституирование мира литературного произведения, несущего в себе определённое эстетическое качество.

В отличие от своих интерпретаций, литературный текст выступает как автономная вещь. Основа, служащая для появления у текста такого статуса, – его языковая форма. Благодаря наличию последней, литературное произведение, кроме отчётливого и рационального смысла, несёт в себе ещё какой-то “смутный” смысл. Поскольку последний не может быть постигнут с помощью обычного рассудка, он должен апеллировать к какой-то другой форме постижения. Такой формой становится интуитивное понимание смысла текста, так называемое созерцание “второго порядка” или “сверхчувственное восприятие”.

В ходе такого сверхчувственного восприятия происходит

постижение не чисто семантического смысла слов, а какое-то более сущностное их постижение. Как текст в целом, так и слово как основной его элемент, воспринимаются здесь не просто как знаки, но как символы, ибо при глубоком рассмотрении обнаруживается отношение подобия между внешней стороной слова и тем смыслом, который оно в себе несёт. В этом смысле слово не отделено и не отчуждено от нашего опыта, наоборот, его сокровенный смысл конституируется в самом этом опыте, оно проявляет свою подлинную природу лишь внутри этого опыта.

Поскольку литературный текст конституируется в нашем сознании путём “интерпретации” языковых знаков, неповторимый смысл именно этого произведения (его Идея), несомненно, оставляет свой след и на смысле этих знаков. Идея как бы растворена в их понятийном значении, но не сводится к последнему. Она вообще не может быть уловлена с помощью понятий, ускользая от своего определения в качестве какой-то позитивной атрибуции, но выступает как тот оживляющий произведение изнутри смысл, который постигается нами интуитивно и только в ходе непосредственного контакта с текстом (когда мы как бы оказываемся “внутри” него). Поэтому нельзя рассматривать этот “второй” смысл символа как какую-то абстракцию. Несомненно, он явлен нам непосредственно, в виде воздействующей на нас таинственной энергии (ибо смысл этот не поддаётся окончательному определению, он постоянно “пульсирует” и волнует нас).

Подлинное понимание текста начинается лишь после того, как этот “сакральный”, трансцендентный смысл начнёт проявляться для реципиента. Этот момент можно описать как встречу с миром текста. Только после такой “встречи”, в ходе которой между текстом и реципирующим субъектом завязывается контакт, может начаться процесс понимания.

Уже в процессе самого чтения (еще до его окончания) мы должны были как-то “ориентироваться” не только в буквальном смысле текста, но и объяснять себе (хотя и понимая, что до конца сделать это не удаётся) второй, “смутный” его смысл. Этот последний не может оставаться для нас абсолютно неясным, но требует хотя бы частичного своего постижения. Поэтому в процессе чтения мы всегда должны были

придумывать для себя какое-то рациональное объяснение этого второго, смутного символического смысла, то есть находить для него какое-то (вербальное же) истолкование. Поэтому естественно, что само это объяснение должно заключать в себе не только интуитивный момент идеации (усмотрения сущности) и “откровения”, но и чисто “рациональный” момент, благодаря которому содержание текста можно определённым образом структурировать, подчинить какой-то выявляемой в подтексте логической (понятийно формулируемой) идее. Последняя выступит тогда в качестве логоса текста (его внутреннего смысла), выявление которого необходимо для более глубокого интуитивного постижения содержания произведения. В роли такого внутреннего логоса литературного текста чаще всего выступает определённая метафизическая идея, которая обнаруживается в произведении.

На автономность текста как организма указывают также многочисленные случаи, когда сам его автор не вполне понимал истинный смысл своего творения или когда произведение рождалось из-под его пера как бы самопроизвольно, независимо от воли и желания художника.

Во второй главе – “Бытие текста. Социокультурный аспект” – эксплицируются те аспекты литературного текста, которые проявляются благодаря среде его бытования – культуре. Основное внимание в ней уделено рассмотрению отдельных фактов исторического существования текста, позволяющих выявить структуру текста как социокультурного феномена, а именно, тех или иных модусов текста (§1). Кроме того, речь в этой главе ведётся о способах и направлениях “перемещения” текста в пространстве культуры, о чём говорится в §2. Бытие текста в социокультурном пространстве.

В первом параграфе производится последовательный анализ актуального, потенциального, идеального и виртуального модусов текста, который осуществляется на основании тех первоначальных определений этих понятий, которые были даны в работах К.З.Аюбяна.

Актуальный модус – это прежде всего то или иное “сиюминутное” значение текста, которое становится значимым в данный момент времени.

Результатом подробной экспликации этого модуса становится вывод о том, что актуализация текста осуществляется под двух давлением.

Первый – это актуализация значения текста, т.е. его чисто логического смысла. На этом уровне своей актуализации текст становится вещью культуры в объективном (общем для всех) смысле. Однако, обретя объективное существование, текст ещё не становится ценностью, он значим, но ещё не ценен. Обретение им определённой аксиологичности происходит всегда в индивидуальном восприятии, которое и отражает второй уровень актуализации текста.

Очевидно, что возникновение актуального модуса текста не может произойти без включения самого реципиента в этот процесс, литературное произведение должно каждый раз заново пониматься своим реципиентом (а не просто читаться им), ибо только в ходе такого понимания текст обретает черты эстетического предмета. Понимание же требует того, чтобы что-то было непонятно. Если же этот момент первоначальной “непонятности” или “темноты” исчезает, если всё в тексте для нас уже понятно, то эстетическое переживание становится для нас невозможным и реципируемый текст остаётся для нас неким “мёртвым” текстом, а его актуализация не происходит.

Из этого можно заключить, что под актуальным модусом следует понимать бытие текста как непосредственно реципируемого феномена, несущего для субъекта чтения внутренне переживаемый, экзистенциальный смысл. Поэтому можно сказать, что в актуальном модусе проявляется такая важная для текста как живого организма характеристика, как его связь с жизнью духа в целом, существующая, согласно феноменологической традиции, в форме отдельных индивидуальных монад. Если связь текста как объективно существующей предценности и этой жизнью обрывается, то прекращается и жизнь самого текста в культуре.

Под потенциальным модусом понимаются те значения текста, которые могли иметь место в прошлом, но по каким-либо причинам не были реализованы. Прделанный анализ показал, что этот модус также можно понимать двояко: 1) как те значения текста, которые вообще не были никогда актуализированы, но которые, в принципе, могли бы иметь место, если бы история жизни произведения развивалась несколько иначе; 2) как потенциальные значения

текста, не актуализировавшиеся в одной культурной среде, но получившие свою реализацию в другой, где они фигурируют уже в качестве актуального модуса текста.

Наличие у художественного текста потенциального модуса показывает, что его жизнь в культуре может проходить по совершенно различным сценариям, лишь незначительная часть которых предстаёт перед нами актуально, и что в том, какой из этих сценариев будет осуществлён в данной среде, немалая роль принадлежит случайным относительно самого произведения факторам. Кроме того, наш анализ показывает, что в цепи взаимоотношений текст-культура последней отводится не меньшая роль, чем первому, ибо недостаточная готовность или, более того, полная неготовность культуры к адекватному восприятию заключённого в произведении духовного потенциала может полностью извратить понимание его смысла или даже временно убить его как специфический социокультурный организм.

В наибольшей степени связь произведения с окружающей средой демонстрирует идеальный модус – совокупность знания о тексте и его истории. В нём проявляется открытость литературного текста для реципирующей и интерпретирующей его культуры. Как и актуальный модус, он отчётливо обнаруживает динамизм своей природы.

Безусловно, идеальный модус не может существовать вне социокультурной интенции субъекта, он субъективен (в смысле своего генезиса) по определению. Произведение обрывает свою интерпретацию в результате “выхода” в пространство культуры, который происходит благодаря реципирующему и творчески истолковывающему текст субъекту. Этот последний поэтому может выполнять роль некоего “окна” в культуру, благодаря ему текст начинает проявлять себя как интенциональный предмет с открытым горизонтом значений.

В то же время анализ идеального модуса текста показывает, что органическая природа последнего проявляет себя не только на уровне его непосредственного восприятия. История жизни текста (точнее, знание о ней) может претерпевать такие же существенные изменения, как и актуальное его значение. Даже знание об одном и том же факте истории литературного

произведения может изменяться кардинальным образом.

Идеальный модус как то или иное культурное значение текста (знание о его истории, интерпретация, комментарий) часто выступает как некое предзнание (то, что предшествует его непосредственному восприятию) и потому в известной мере должен обуславливать собой актуальный модус. Следовательно, идеальный модус активно участвует в формировании литературного произведения как определённой непосредственно переживаемой ценности. Зная историю создания текста и (или) комментарий к нему, я, возможно, буду совершенно иначе переживать заключённый в нём эстетический предмет (литературное произведение) с присущей ему целостной Идеей.

Виртуальный модус, под которым следует понимать те значения текста, которые могут возникнуть у него в той или иной культурной среде в будущем, указывает на некоторую непредсказуемость жизни литературного произведения в социокультурной среде, обусловленную непредсказуемостью изменений самого культурного контекста. Эта непредсказуемость и связанная с ней загадочность (виртуальных) значений текста – также свидетельство динамически-органической природы последнего.

Во втором параграфе автор занимается рассмотрением жизни литературного произведения с точки зрения определённой системы координат, в которой оно совершает своё движение в пространстве культуры. Это важно по той причине, что позволяет более чётко выявить те отношения, которые возникают между текстом и окружающей социокультурной средой. В своём исследовании движения текста в этой среде автор исходит из двух возможных векторов перемещения текста в пространстве культуры: горизонтального и вертикального. В первом случае мы имеем дело с переходом текста из одной культуры в другую, во втором – с его существованием в истории.

Горизонтальное измерение выражает освоение текста в рамках какой-то новой социокультурной среде, для которой он может выступать как в качестве чего-то совершенно чужеродного, так и, наоборот, в качестве чего-то близкого. Это объясняется тем, что содержание и форма текста несут в себе как черты отдельной культуры, так и черты универсальные для всех культур моменты.

Анализ же вертикального перемещения текста показывает, как постепенно литературное произведение “врастает” в свою культурную почву и становится (при благоприятном для него стечении обстоятельств) неотъемлемой частью данной культуры, без которой последнюю уже просто невозможно себе представить.

Как показал проведённый анализ, актуальность литературного произведения в той или иной социокультурной ситуации и для того или иного социума во многом обусловлена тем, насколько запечатлённый в тексте опыт его автора оказывается созвучным внутренним, экзистенциальным запросам и потребностям представителей данной социокультурной среды. Поэтому чем глубже этот опыт, тем для большего числа культурных регионов (несмотря на различия между ними) может стать актуальным данный текст.

Следует отметить, что новая реципирующая текст среда может существенно отходить от заключённой в тексте авторской интенции, дистанцироваться от неё, и поэтому текст приобретает своё новое значение в соответствии не с этой интенцией, а с тем духовным потенциалом, который был в него заложен во многом бессознательно.

Одним из важных источников приобретения литературным текстом новых социокультурных значений при его перемещении в горизонтальном измерении является его перевод на другой язык. При этом в качестве такого “языка” может выступать не только вербальная, но и какая-либо иная культурная форма. Это свидетельствует о том, что содержательная сторона текста не привязана жёстко к “письменной оболочке” и обладает определённой степенью пластичности. С другой стороны, именно благодаря своей письменной фиксации, в результате которой литературное произведение становится наиболее удобным для культурного восприятия, текст обретает открытость для множества различных интерпретаций.

При миграции литературного произведения из одной среды в другую его последующее освоение и интерпретация в новой среде могут быть обусловлены, с одной стороны, некоторой близостью отдельных “атрибутов” художественного произведения (например, его проблематики) запросам новой культуры в её конкретной исторической ситуации, с другой

стороны, напротив, – совершенной “инакостью” и чуждостью для реципирующей среды как самого текста, так и породившей его культуры, что, естественно, может стать причиной совершенно новаторского его прочтения. Чаще всего, однако, речь идёт о совмещении этих двух моментов, и литературный текст выступает одновременно и как “близкий”, и как чуждый данной среде. Тем не менее можно говорить о том, что в той или иной конкретной ситуации в рецепции текста превалирующим является либо первый, либо второй момент.

В Заключении диссертант приходит к выводам, что результатом данного исследования можно считать экспликацию литературного произведения как специфического феномена культуры и тех культурных функций и ролей, которые оно выполняет. Прделанный анализ подтвердил основное положение первоначальной концепции, что литературный текст живёт в социокультурной среде в качестве автономного и активного образования – организма, – выполняющего определённые роли и постепенно “прорастающего” в реципирующую его среду, изменяя её характер. При определённых условиях эта среда уже не может быть представлена без тех смыслов, которые внёс в неё данный литературный текст.

В результате проделанной работы автору удалось достичь поставленных им целей: 1) обосновать понимание литературного произведения как культурного организма, 2) показать способность текста к социокультурной полифункциональности при ведущей роли эстетической функции, 3) показать, что текст имеет двойственную природу, выступая одновременно как обусловленный реципиентом, зависящий от него феномен и как целостное автономное образование.

Текст продолжает своё существование в культуре благодаря актуализации заключённого в нём духовного потенциала, которая осуществляется в социокультурном пространстве. В ходе этой актуализации литературное произведение проявляет себя не просто как пассивный объект социокультурной интенции, а как активно проявляющий и манифестирующий свой духовный смысл агент. В то же время актуализация заключённого в тексте духовного потенциала невозможна без соответствующего к нему отношения и духовной активности самих представителей той или иной

социокультурной среды, выступающих в качестве его рецепциентов, которые должны обладать специфической духовной восприимчивостью к эстетическому содержанию текста. Эта восприимчивость даёт основу для осуществления особого “сверхчувственного” восприятия этого содержания и одновременно для актуализации последнего.

В результате этого процесса (адекватной духовной рецепции текста) у литературного произведения появляется возможность проявить присущие ему как специфической вещи культуры способности, к числу которых относятся аттрактивная, суггестивная, трансцендирующая (компенсаторная), оценочная и смыслопорождающая. В своей совокупности они конституируют важнейшую способность текста организовывать вокруг себя определённое социокультурное пространство.

Взаимодействие литературного текста как специфического феномена с окружающей средой происходит благодаря имеющимся у него модусам. Сначала произведение вступает в культуру как “незнакомец” и рецепируется на актуальном уровне. При этом подлинная встреча с текстом может произойти лишь в том случае, если он будет воспринят эстетически. После своего вхождения в культуру литературный текст начинает приобретать определённое культурное значение, как бы обрастать различными смыслами. Эти смыслы могут демонстрировать как определённую конфронтацию и борьбу между текстом и культурой в данной “сиюминутной” ситуации, так и, наоборот, гармоническое согласие между ними.

Непосредственной рецепции литературного произведения, как правило, предшествует его культурная интерпретация (идеальный модус). Последняя вызывает у нас определённую установку по отношению к данному произведению, во-первых, напоминая, что перед нами эстетический предмет, а, во-вторых, предоставляя в наше распоряжение определённый “код” для его расшифровки, то есть – некую стратегию чтения текста, в ходе которого нам открывается то или иное его значение.

Продолжительная жизнь литературного текста нередко связана не с совершенством его формы, а с глубиной и пластичностью (способностью вызывать и “переносить” множество разнообразных прочтений) заключённой в нём Идеи. В то же время сама эта Идея должна носить какой-то “вечный”,

универсальный характер.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

1. Проблема вещи в контексте её культурного изучения (на примере литературного текста) – Чебоксары, изд-во ЧувГУ, 2000. – 22 с.

2. Специфика литературно-художественного текста и его интерпретации. – Чебоксары, изд-во ЧувГУ, 2001. – 19 с.

3. Литературный текст как вещь в культуре. – Чебоксары, изд-во ЧувГУ, 2001. – 19 с.

4. О способах (модусах) бытования в социокультурной среде литературно-художественного текста. (В кн. Сб. тезисов региональной научной конференции по теме «Цивилизация. Философия. Общество»), Чебоксары, изд-во ЧувГУ, 2001. – 2 с.

Духовное и социокультурное бытие
литературно-художественного текста

Автореферат

(Формат 60x84/16)

Объем 1 п.л. Тираж 200 экз. Заказ № 353.

Отпечатано в типографии Чувашского госуниверситета им.

И.И. Ульянова, 428015, г. Чебоксары, Московский пр. 15.

